

Восприятие и интерпретация интонации как средства невербальной коммуникации (в литовском и в русском языках)

Вводные замечания

Роль языка в процессе общения, передачи и восприятия информации огромна, за языком закреплено много важных функций. Важнейшая функция языка, как известно, коммуникативная.

Значительная часть информации в акте коммуникации передается словесно, *вербально* т.е., вербальными языковыми средствами. Также очевидно, что, кроме вербальных средств, в устной речи используются и другие, несловесные, ***невербальные***, (***параязыковые, паралингвистические***) средства передачи-восприятия-интерпретации информации. Они, как правило, сообщают то, что сложно, трудно, неэкономно, иногда даже невозможно выразить и передать словесно. В письменной речи эта часть информации теряется, если не обозначена дополнительными графическими средствами или авторскими ремарками.

Содержание высказывания, выраженное средствами невербальной коммуникации, изучает ряд частных наук. Г.Крейдлин выделяет десять таковых, среди которых «два раздела невербальной семиотики всеми исследователями безоговорочно признаются основными. Это **паралингвистика** и **кинесика**» (Крейдлин, 2002–23).

В центр паралингвистической системы, согласно мнению того же Крейдлина, входят: отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полости человека; голос и его постоянные качества, голосовые особенности актуально звучащей речи или игры голосом (фонации), а также паразыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации (то есть, то, что можно было бы назвать *паразыковой просодикой*) (там же, с. 27–28).

Несмотря на то, что в лингвистике интонация как звуковое средство языка исследована несомненно шире и глубже (что обусловлено ее природой быть фактом языка и речи), представителями других наук эта информация не учитывается или даже просто игнорируется.

Будучи звуковым средством языка, интонация реализуется прежде всего в устной речи – говорящий выражает, а слушающий воспринимает разнообразные смысловые различия и многочисленные эмоционально-

стилистические оттенки звучащей речи. Как известно, содержание высказываемого обоими участниками акта коммуникации в устной речи создается и воспринимается нерасчлененно, комплексно и, в ряде случаев, возникает проблема «понимаемости» текста, то есть, неверное восприятие сказанного слушающим, неадекватность результата взаимодействия использованных средств и воспринимаемых значений. Как будто «говорится меньше, чем сообщается или, наоборот, понимается больше, чем говорится».

В письменной речи невербальный код «расшифровывается», передается уже вербально. Авторы в письменных художественных текстах указывают на средства невербальной коммуникации, поясняют, уточняют соотносимую с ними (и выражаемую ими) информацию – как основное содержание, так и дополнительные его оттенки.

Таким образом, **объектом** данной статьи является сопоставительный анализ *выраженного интонацией содержания в письменной речи с целью* выявить своеобразие интонации как средства невербальной коммуникации в двух языках. В качестве **материала** использованы примеры из художественных произведений литовских и русских авторов. Для достижения выдвинутой цели предполагается решение следующих **задач**: во-первых, сопоставить представление об интонации в лингвистике и в коммуникации; во-вторых, сравнить возможности интерпретации интонации в художественном тексте, что представляется **актуальным** в контексте межкультурной коммуникации. Это позволит более успешно овладеть языковой компетенцией и адекватно оценивать коммуникативную ситуацию – в общении, при необходимости перевода правильно выбрать и использовать вербальные и *невербальные* средства.

В данной работе используется **описательный метод**, включающий элементы сопоставления, что обусловлено теоретико-концептуальным характером и материалом исследования, охватывающем два языка.

Основная часть

Интонация является одним из древнейших языковых средств или даже «доязыковым» средством, учитывая примеры невербального «общения» некоторых животных при несомненном факте передачи ими определенной информации – страха, злости, недовольства и др. в виде нерасчлененного неделимого звукового комплекса. В любом языке она используется как средство выражения многочисленных смысловых и эмоционально-стилистических различий звучащей речи.

Как верно заметил С.И.Кодзасов, «...интонация играет важнейшую роль в общении, неся информацию о коммуникативных целях говорящего, его оценках содержания сообщаемого, о его внутреннем психическом

состоянии, отношении к партнеру и т.д. Язык отражает эту интуицию в огромном разнообразии номинаций голоса, большинство которых ориентировано на его содержательную символику: *раздраженный голос, презрительный тон, просяюкать* и т.п.» (Кодзасов, 2001).

Характеристики **голоса и тона** занимают центральное место при восприятии и анализе интонации в языкознании (тон как основной различительный признак интонационных единиц) и в теории коммуникации (тон – важнейший элемент параязыковой просодики).

Разница в том, что в теории коммуникации интонация (и соответственно характеристики голоса и тона) рассматривается как «околоязыковое» явление, как паралингвистическое средство или элемент параязыковой просодики в одном ряду с такими звуковыми (сопровожающими речь) средствами, как кашель, рыдание, икота, свист и др. В лингвистике последние к интонации не относятся, равно как в параязыковую просодику не включен целый ряд интонационно-звуковых средств, рассматриваемых в эмоциональной и (или) экспрессивной речи. К таковым относят придыхательность, сдвиг гласных вперед или назад, увеличение-уменьшение мускульной напряженности артикуляции звука и многие другие (Брызгунова, 1984, 28–29).

В письменной речи естественное отсутствие интонационно – звуковых средств (также других невербальных средств коммуникации) и соответственно отсутствие выражаемых ими значений компенсируется разнообразными авторскими приемами: чаще всего это графические средства (шрифтовые выделения), авторские ремарки и др. Максимальная соотношенность устной реализации текста с письменным (с точки зрения полноты выраженных и воспринимаемых значений) зависит от автора, от его способности или желания в своем сочинении воспользоваться всем спектром значений, «воспроизводить» выражаемые интонацией значения как в устной речи, так и в письменном художественном тексте.

Понимание другого человека, его намерений, желаний, а также способность сделать себя понятным для других оказывается жизненно важными факторами. Возможность взаимопонимания связана прежде всего с тем, что каждый человек должен владеть определенными приемами общения, способами и средствами обмена информацией. «Отсюда ясно, что процесс коммуникации является чрезвычайно сложным, включающим в себя причины, формы, виды, типы и результаты коммуникации» (Садохин, 2004–102).

Восприятие значений, выражаемых интонацией, в разных языках и у разных авторов может сильно различаться.

В лингвистике принято различать узкое и широкое толкование сути интонации.

В упрощенном понимании интонация может быть представлена лишь как повышение или понижение голоса (тона), которое в высказывании обычно выражает незавершенность-завершенность, вопрос или утверждение, то есть важнейшие смысловые различия (или так называемую «интеллектуальную» информацию). При выражении и восприятии эмоций, смысловых и стилистических оттенков звучащей речи неизбежно используются и другие акустические компоненты.

Единство в определении и понимании интонации прежде всего необходимо в сопоставительных исследованиях.

Во многих языках интонация осознается и рассматривается прежде всего как явление устной, звучащей речи, где все ее возможности раскрываются наиболее полно и ярко. Представители разных исследовательских направлений в разных языках для обозначения интонации в письменной речи стремились создать специальную *интонационную транскрипцию*. Необходимо отметить, что пока еще нет ни одной по-настоящему удачной, которая позволила просто и понятно фиксировать в письменном тексте все многообразие значений и их оттенков, выражаемых интонацией в звучащей речи.

Все-таки в письменной речи, прежде всего в текстах художественной литературы, интонация бывает отражена, правда, в разной степени у разных авторов (как в русском, так и в литовском языках). По наблюдениям Н.Д.Светозаровой, у «некоторых русских писателей обозначения интонации речи практически не встречаются, у других – сравнительно часты, но однообразны, отдельные авторы пользуются этим примером редко, но очень ярко и индивидуально, наконец, есть писатели, творчество которых отличается особой чуткостью к звуковой стороне их героев» (Светозарова, 2000, 5). К интонации писатели обращаются тогда, когда основное значение или оттенок значения слова, даже целого отрезка художественного текста лексико-грамматическими средствами выражены недостаточно или не могут быть выражены вообще. Интонация не только восполняет недостаточность слов, но способна изменять их значение и даже придавать им противоположный смысл. Ссылаясь на данные русского языка и собственные наблюдения в литовском (см. картотеку примеров), можно с уверенностью сказать, что в художественных текстах в обоих языках используются те же основные способы передачи выражаемых интонацией значений. Согласно точке зрения Н.Д.Светозаровой [Светозарова, 2000, 15], их можно разделить на 4 группы:

- 1) описание особенностей интонации в словах автора (авторские ремарки);
- 2) информация об этих особенностях, содержащаяся в реакциях собеседника;

3) лексико-грамматические средства отражения интонации в прямой речи;

4) графические средства передачи интонационных характеристик в прямой речи (шрифтовые выделения – курсив, разрядка и др.)

Материал показывает, что в литовском, как и в русском языке, в художественных текстах писатели при конкретизации звуковой характеристики речевых актов редко используют термин «интонация». В обоих языках одним из наиболее распространенных приемов, кроме прямого указания на интонацию персонажа, является характеристика *тона* или *голоса*, каким была произнесена реплика. Здесь в первую очередь имеется в виду не конкретные звуковые характеристики голоса (низкий, тихий, глухой и др.), а «указание на общую тональность речи» [Светозарова, 2000, 15].

В художественных текстах обоих языков находим достаточно большое количество почти устойчивых, стереотипных сочетаний со словами *голос* и *тон*, характеризующих речь в личностном, коммуникативном и эмоциональном аспектах. Характеристики голоса или тона являются наиболее частыми как в литовском, так и в русском языках. Гораздо реже встречается дефиниция «интонация», видимо, потому, что авторы не различают (или совмещают) определения «голос-тон-интонация»: важнейшим акустическим компонентом интонации, как известно, в обоих языках является основной тон (т.е., голос). В первую очередь это оправдано по отношению к текстам 19-ого и первой половины 20-ого века, авторам которых современная терминология интонации еще не была известна. Так, анализ показывает, что более точное разграничение определений «голос-тон» в русском языке встречается чаще, хотя и в нем «...оба слова употребляются практически как синонимы, с одними и теми же определениями, и разницы либо нет, либо она чрезвычайно тонкая» [Светозарова, 2000, 18]. Литовский материал показывает, что в нем, как и в русском, используются определения как «голос», так и «тон», но чаще, чем «тон», встречаются примеры со словом «balsas» (голос):

(1) – *Už ginklą! Už ginklą! Gudai užpuolė! – užriko neįžmogišką balsu iš tolo da nuo pilės bėgdamas žmogus.* (Pietaris, 1904 (1989, 21)

– *К оружию! К оружию! Гуды напали! – закричал нечеловеческим голосом...*)

(2) – *Kaip išdrįsai uždrausti steigiamojo seimo nariui kalbėti? – klausia manęs ministeris tokiu balsu, jog negaliu atspėti, ar jis pyksta, ar ne.* (Krėvė, 1965, 38)

– *Как ты посмел запретить говорить члену учредительного сейма? – спрашивает министр таким голосом, что не могу понять, сердится он или нет.*

(3) – *Sakiau, kad negalima!* – *piktai, pakeltu balsu pakartoję ponas Alksninis.* (Krėvė, 1965, 12)

– *Говорил же, что нельзя!* – *Злобно, поднятым голосом повторил господин Алкснисис*).

(4) – *Yra kuo domėtis. Kažkoks pusgalvis nieku prirašė, o tu čia nešiosi visokioms ministerienėms. Sakiau tau, kad nereikėjo landžioti!* – *pakėlė balsą, sušukęs ant žmonos.* (Krėvė, 1965, 268); (**повысил голос** на жену...)

(5) – *Tai va, nudėjau tą bestiją, – pergalingu tonu pareiškia ji. – Matot?* (Lankauskas, 1986, 52); (**объявляет она победным тоном**);

В русском языке, по мнению Н. Д. Светозаровой, «анализируя многочисленные выражения со словами *тон* и *голос*, можно сделать вывод, что *тон* чаще связан с социальными понятиями и отношениями между людьми, а *голос* – с чувствами и эмоциями, однако очень часто оба слова употребляются с одними и теми же определениями, и разницы либо нет, либо она чрезвычайно тонкая» (Н. Д. Светозарова 2000, 18). В литовском языке, как и в русском, радостным или печальным (см. пример ниже) может быть не только тон, но и голос:

(6) *Abi seselės iki pat galo išlaikė mandagių vaišingų šeimininkių toną ir nė vienu žodžiu, nė viena balsu intonacija neišdavė to, ką jautė sielos gėlmėse.* (Vienuolis, 1972, 8).

(Обе сестры до конца сохранили **вежливый тон** гостеприимных хозяек и ни одним словом, **ни единой интонацией в голосе** не выдали то, что чувствовали в глубине сердца).

Некоторые литовские писатели иногда дают очень точные и образные характеристики голоса, передающие самые сложные и тонкие оттенки чувств:

(7) – *Būtiut matęs, Romualdai, – motinos balsas plaukia iš kito pasaulio, tenai kitokia akustika, kitokie žmonių santykiai ir rūpesčiai. – Gavau tokių gražių gvazdikų!* (Sluckis, 1980, 51).

– *Ты бы видел, Ромуальдас, – голос матери словно плывет из другого мира, там иная акустика, иные отношения среди людей, иные заботы.*
– *Какие красивые гвоздики я купила!*

(8) – *Tai atidėjo egzaminą?*

– *Bijai, kad pararė? Miglė atsako dusdama; nesuderinta, supainiota vidaus klaviatūra. Klausytumeis – neatsiklausytumei, jeigu ne rūpesčiai* (Sluckis, 1980, 18).

(– Тебе отложили экзамен? – Боишься, что не сдала? Мигле **отвечает задыхаясь**; (расстроенная, запутанная внутренняя клавиатура.)

(9) – *Ką? Būk geras, uždek elektrą ir paltą nusivilk!*

Grynos, žaismingos gaidos. Plekšteli per jo ištiestą ranką, pažerdama nematomas kibirkštis. Kokie perėjimai! (Sluckis, 1980, 18)

– *Что? Будь добрым, включи свет и пальто сними! Чистые, игривые нотки. Легко бьет по его протянутой руке, рассыпая невидимые искры. Какие переходы!*

Предварительное знакомство с текстами литовской художественной литературы свидетельствует об разнообразных способах конкретизации интонации в произведениях разных писателей. Авторы уточняют, поясняют интонацию говорящего, не указывая, не называя ее конкретные фонетические параметры. Это, как и в русском языке, *сравнение*:

(10) «*Nors iki dvariuko ėjo kalbėdami, tačiau **toji kalba buvo tokia dirbtinė ir nenatūrali, kad visi tai jautė ir varžėsi. Naujokaitis kažkaip iš netyčių užkliudė Onytę ir tuojau atsiprašė. Tas atsiprašymas ir Onytės mestas žodis “niekis” paskambėjo tokia skaudžia intonacija, kad visiems pasidarė dar nesmagiau*** (Vieniuolis, 1972).

(Хотя до усадьбы шли разговаривая, *ихняя беседа была такой искусственной и неестественной, все это чувствовали и смущались...слово «пустяк», которое обронила Оните, прозвучало с такой (буквально) болезненной интонацией, что все еще более смущились*).

(11) – *Kur tiek užtrukai, mielasis? – **saldžiu balseliu užklausė** vyrą.*

*Po tą direktorių tokis **balso tembras visuomet gąsdindavo, nes iš patyrimo žinojo, kad jis pranašauja artėjančią audrą. Bet šį kartą neatkreipė į tai nei mažiausio dėmesio bei susirūpinimo. Net nesulaukė žingsniavęs...*** (Krėvė, 1965, 23).

«– Где так задержался, дорогой? – ***сладким голосом** спросила мужа. Господина директора **такой тембр ее голоса всегда пугал, он знал, что это предвещает бурю. Но на этот раз не придал ему ни малейшего значения. Даже не перестал ходить по комнате...***»

Как показывает материал, в обоих языках авторы используют указания и на сопровождающие речь жесты, мимику, позы, которые подчеркивают особенности голоса, тона, интонации, «...а нередко и заменяют их, позволяя читателю по ним угадывать характер звучания», например:

(12) – *Visi mes televizijoje naujokai! Ji trepteli kaip užsispyrusi mergytė* (Sluckis, 1980, 6).

(– Все мы в телевидении новички! Она *топнула ногой как упрямая девочка.*)

(13) – *Penkiasdešimt, – Romualdas pirštu rodo butelį su melsva gruziniška etikete*. (Sluckis, 1980, 7) (...*пальцем показывает бутылку с голубой этикеткой*)

Интонацию в художественном тексте в литовском языке, как и в русском, характеризуют так называемые глаголы говорения, а среди них выделяются те, которые можно назвать характеризующими речь, или фоническими. Характеризующие говорение глаголы описывают особенности устной речи указывая на разные акустические признаки или средства:

(14) – *Su šituo fotošautuvu... Nenusigąšk, taip kvailai prospekte pavadintas! – Romualdo **balsas duslus ir dreba***. (Sluckis, 1980, 17) (...***голос** Ромуальда глухой и дрожит.*)

(15) – *Ginte, – stengiuosi, kad mano **balsas skambėtų kuo tvirčiau**. – Tu vistiek nori man kažką pasakyti.* (Zurba, 1984, 73) (...*стараюсь, чтобы мой **голос** звучал как можно тверже*).

(16) – *Ko jums? – šiurkštus nepatenkintas balsas.* (Sluckis, 1980, 226)

(Вам чего? Грубый недовольный **голос**).

(17) – *Kieme trekštelėjo varteliai šalia didžiųjų vartų. Uršulė nebesijuokė, šaukė, prikurtinusi balsą...* (Baltušis, 1979, 13–14) (Уршуле больше уже не смеялась, кричала приглушенным голосом...)

В некоторых случаях в литовском языке, как и в русском, информацию о просодических характеристиках несет сам лексико-грамматический состав прямой речи. Как отмечает Н.Д.Светозарова, «...те или иные грамматические конструкции и особенно те или иные лексемы естественным образом лучше сочетаются с определенными эмоциями или речевыми актами» (Светозарова, 2000, 27).

(18) – *Ne tavo kiškis nei tu kiškis, – tėvui pritarė ir motina.* (Mačiukevičius, 1985, 26)

– Не твоё дело, не совай нос, куда не надо, – **согласилась** с отцом мать.)

Устойчивое фразеологическое выражение здесь предполагает специфическую интонацию с разными оттенками согласия (не исключая различных акустических вариантов ее реализации). Ср. также в русском языке:

«В это время хозяйка роемся в кошельке.

– **Скажите, пожалуйста!** – *возражает она с кокетливой насмешкой.* (Куприн. *Река жизни*). Цитируется по (Светозарова, 2000, 29).

В обоих сопоставляемых языках интонация в художественных текстах может быть передана с помощью графических средств (курсива, многоточия, разрядка и др.):

(19) – *Malonėkite pereiti per kambarį, – režisierius maldauja, – jūs skubate, o čia užvirė kava... Sakykim, koks nors vyriškis... **Ка-а? Ji pasipiktinusi.*** (Sluckis, 1980, 7)

(– Проходите, пожалуйста, по комнате, – **умоляет** режиссер... **Что-о? Она возмущена.**)

(20) – *Juruk, – pagaliau neiškentė, kąsdama pusiau žodžius, – **m-man baisiai ne-negerai.*** (Svirka, 1965, 82)

(– Юрук, – наконец заговорила она, **заикаясь...м-мне очень не-нехорошо.**)

Выводы

Как показывает материал, в литовском языке, как и в русском, интонация в письменном художественном тексте может быть обозначена и отражена в разной степени. У некоторых писателей характеристики интонации речи почти не встречаются, у других – сравнительно часты, но однообразны, наконец, есть писатели, творчество которых отличается особой чуткостью к интонационно-звуковой характеристике речи героев. Наиболее удобным и частотным средством передачи просодических характеристик в тексте являются авторские ремарки, т.е. характеристика интонации, голоса и тона действующих лиц.

В обоих языках существует ряд лексико-грамматических конструкций или отдельных лексем, сочетающихся с определенными эмоциями и предполагающих соответствующее просодическое оформление. В литовском языке, как и в русском, графические средства отражения интонации в тексте (курсив, разрядка и др.) используются авторами по-разному и не являются точным способом передачи интонационных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова, Е. А. 1984. *Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи*. – Москва.
- Златоустова, Л. В., Потапова, Р. К., Потапов, В. В., Трунин-Донской, В. Н. 1997. *Общая и прикладная фонетика*. – Москва: Издательство Московского университета.
- Крейдлин, Г. 2002. *Невербальная семиотика*. – Москва: Новое литературное обозрение.
- Кодзасов, С. В., Кривнова, О. Ф. 2001. *Общая фонетика*. – Москва.
- Садохин, А. П. *Межкультурная коммуникация*. – Москва, 2004.
- Светозарова, Н. Д. 2000. *Интонация в художественном тексте*. – Санкт-Петербург: Издательство С. – Петербургского университета.

Художественные тексты:

- Baltušis, J. 1979. *Apsakymai*. – Vilnius: Vaga.
- Krėvė, V. 1965. *Likimo žaismas*. – Vilnius: Vaga.
- Lankauskas, R. 1986. *Projektas*. – Vilnius: Vaga.
- Mačiukevičius, J. 1985. – Vilnius: Vaga.
- Pietaris, V. 1989. *Algimantas*. – Vilnius: Vaga.
- Sluckis, M. 1980. *Uostas mano – neramus*. – Vilnius: Vaga.
- Vienuolis, A. 1972. *Rudens gėlės*. – Vilnius: Vaga.
- Zurba, A. 1984. *Skersvėjis*. – Vilnius: Vaga.

Perception and Interpretation of Intonation as a Means of Non-verbal Communication (in the Lithuanian and English Languages)

Intonation is considered to be one of the elements of the so called non-verbal communication system. Together with kinesics it is attributed to the main means of paralinguistics. In both languages intonation is often equaled to voice and tone characteristics, although they represent different notions. Intonation in both Russian and English is a universal means of expression of different meanings and especially of numerous emotional and stylistic shades. The expressive possibilities of intonation evidently diminish in written text as far as graphics does not insure rendering of intonational variety in spoken text. In both languages the lack of the latter in written texts is rendered in special ways and with a help of various means (usually graphical ones or verbal comments), determining spoken intonation perception in written language.

Key words: *non-verbal communication, prosody, sound and intonational characteristics, spoken and written language varieties.*